

Клубные встречи

Кира Сапгир родилась в Москве. Окончив иняз, работала французским переводчиком. Вскоре начала писать детские стихи и издала несколько книжек. В 78-м году эмигрировала во Францию. Живет в Париже. Пишет взрослую прозу и стихи, занимается переводами. Сотрудничает с рядом русских и иностранных газет и журналов. На радио «Свобода» участвует в культурно-политической программе «Поверх барьеров». Это ее первый за 15 лет приезд в Москву.

Кира САПГИР:

Взяла интервью - 1993 - 20 февр. - с. 7

"Во Франции мы чувствуем себя миссионерами"

— Не могли бы вы определить, изменения какого рода переживают эмигранты?

— Дело в том, что все мы мутанты. Но мутация — вещь неплохая, потому что раскрывает в человеке неизведанные возможности. Там у многих очень развивается инстинкт. Ты попадаешь в чужой лес. Ты как бы дикий, плывущий на пироге через эти джунгли. Вот все дикири встают и поднимают копыя. Это значит, что за десять излучин реки — крокодил. Такое беспрепятственное прохождение силовых линий, ощущение препятствий и соответствующая им мобилизация присущи нам всем. Отсюда удивительная точность суждений в любых ситуациях, некое коллективное сознание... Все это называется защитными свойствами организма.

— Вы живете в эмигрантской среде или адаптировались к французской?

— Мне безразлично — эмигранты или французы, потому что мне кажется, что друзья все равно могут приобретаться лишь с огромным трудом. Из всего многообразия знакомств образуется крайне малый круг именно друзей. Причем это не те друзья, которые были здесь раньше. На них рассчитывать немилосердно — им ведь трудно, что уж их доставать...

— Насколько мне известно, вас до сих пор многое связывает с Оскаром Рабиным и Валентиной Кропивницкой, с кем вы были друзьями и здесь?

— Да, это так. Но я хочу сказать, что там я не пытаюсь реставрировать прежние отношения. Если они вытанцовываются — очень хорошо. С Оскаром именно так и получается, никто ничего для этого специально не делает. С Рабиным я вижу, когда нам надо обсудить какие-нибудь «великие дела». При этом выясняется, что мы друг по другу соскучились, что нам надо сообщить друг другу все о мировой политике. А иногда, поскольку у него мозг, как компьютер, я закладываю в него данные, и он выдает мне идеально правильные ответы. Оскар продолжает и там оставаться таким же центром, каким был здесь. Поэтому к нему припадаю не только я одна.

— Как относятся к русской эмиграции французы?

— А мы для них не эмигранты, мы — марсиане. У нас своя феня. Мы не каждого к се-

бе впустим. Им непонятны причины нашего смеха. Они, конечно, пытаются нас понять, но ничего не получается. Главное в нас — мы по отношению к Западу чувствуем себя миссионерами, которые должны всех научить. Например, жить не по лжи. Мы приехали страдать вместе с ними. Иногда такое наше миссионерство будоражит русистов — приход на наши кухни пить чай, они словно причащаются... Это я ерничаю, а на самом деле Франция нас любит. Мы, культурная элита России, считаемся как бы ее украшением, так обстоит дело сейчас...

А если говорить совсем серьезно, то мы изменили мировоззрение Франции. Они все были леваками и сталинистами. А когда пришли мы, когда появился Солженицын, то французские «новые философы» поняли, что сталинизм — фуфло. И именно мы изменили в их мировоззрении минусы на плюсы, левое на правое. Мы провели анархистов по кольцу и сделали их правыми — там, где на кольце смыкается крайнее левое с крайним правым. Новые французские философы сейчас там и сидят. Они прочли Солженицына и перевернули Францию.

— Да, это впечатляет. Но почему же тогда такая конфронтация внутри своих? Скажем, война Максимова с Синявским...

— Во все страны эмигрируют врачи, инженеры и даже крестьяне и рабочие. А в Париж исключительно богемная интеллигенция. Этакая соль земли, люди непашущие и несееющие, их питает Господь и жены. У нас врача встретить — все равно что мамонта. Наша колония производит лишь духовные ценности. Потому что у нас все и воюют, что все литераторы. Литераторы, чтобы жить, должны воевать.

К тому же во Франции такая война принята, она пошла с сюрреалистов. Когда я приехала в Париж, был разгар драк в среде художников. Две армии шли друг на друга: «Глезеровцы» (Глезер и Шемякин) и «Кульбаховцы» — во главе с художником Виктором Кульбахом. И на открытии выставки «Русские художники в Париже», где были Нина Кандинская и другие вдовы великих, появился Глезер — с пистолетом и хлыстом. При этом Мишонц — старичок — художник 30-х, глядя на все это, изрек: «Как все это похоже! Вот точно так же вели себя и эти

хулиганы сюрреалисты: Бретон и другие. Ведь они же друг другу морды били!».

— Наш министр безопасности теневого кабинета Лимонов часто теперь появляется в Париже?

— Появляется. Он сотрудничает с газетой «Международный идиот». Это у нас наиболее стремная газета, после почти каждого номера на главного редактора подают в суд.

— Намерен ли он, так же, как и здесь, навести порядок во Франции?

— Меня пару лет назад посылали от радио «Свобода» на праздник коммунистической газеты «Юманите». Я видела, как он там махал красным знаменем... Лимонов — он Протей, существо переменчивое. Где надо, он анархист, где надо — коммунист, где надо — националист. А больше всего ему надо, чтобы о нем всюду говорили. Вот и все. Но при этом он человек чрезвычайно умный и очень талантливый, и спекулянт он тоже талантливый. В конце концов спекуляция — тоже творчество.

— Надеюсь, парижане не чрезмерно политизированы?

— В Париже политикой занимаются все — от последнего клошара до профессиональных политиков. Главная политическая трибуна — наши кафе и бистро. Чего там только не наслушаешься! Причем народ там собирается чрезвычайно гибкий. Скажем, мэр Парижа господин Ширак, правый человек, посетил рынок в квартале. И немедленно в прилегающих бистро все становятся чрезвычайно правыми. Потом рядом прошла коммунистическая демонстрация. Те же самые люди стали уже коммунистами и с яростью отстаивают свои новые убеждения.

Мой зять — скромный страховой агент. И мы с ним так спорим о политике, что моя дочь в конце концов сказала, что больше этого слышать не может. Так как я просто чешу языком, а зять потом долго и с горечью думает обо всем, что я сказала. В общем, во Франции политика — замечательная возможность поговорить... А почему в вашем вопросе прозвучал негатив по поводу политизированности?

— У нас во время таких споров люди норовят лупить друг друга дровами флагов — одни красными, другие трехцветными.

— А вы знаете, почему у нас в кафе нет пельмени? Потому что в пылу политических споров могут проломить пельницей голову. А что если просто избегать спорить в местах, где есть пельмени и дровки?

— Лев Кропивницкий, съездив прошлым летом в Париж, был разочарован неспособностью французов пить крепкие напитки.

— Существует огромная разница в школах питья здесь и там. Здесь, в холодной стране, водка служит для утепления организма. А француз, как человек, которому не нужно особенно разогреваться, пьет водку как аперитив — перед обедом. И если этого несчастного человека заставить пить водку, как ее пьем мы, то он перегреется и ему будет плохо.

Однажды один мой знакомый преподаватель русского языка должен был везти группу лицеистов в Москву. И я видела, как он преподавал группе старшекласников курс, как здесь пить. Закуска у него была абсолютно правильная: соленые грибы, в которых плавали три окурка, и капуста, посыпанная пеплом. Но все-таки от небольшой, на мой взгляд, дозы в сортир стояла очередь «четвероногих». Понимаете, эти бедные крошки просто перегрелись. Они пьют вино и заедают его мясом — в этом у них есть система.

— Поэт в России больше, чем поэт. А во Франции?

— Поэзию во Франции любят, до сих пор к ней огромный интерес. Этим летом по всей Франции проходили дни поэзии, и люди приходили и слушали. А что самое интересное — там процветает самиздат. Причем не от плохой жизни, а от хорошей. Есть целая группа самоиздатчиков, людей очень надменных, которые категорически не хотят печататься. Они или печатают стихи на компьютере, или пишут их от руки и сшивают в тетрадки.

Наш министр культуры Джек Ланг (Жаком его называют неправильно, он именно Джек) предложил им издаваться в шикарной антологии. Их всех собрали. В президиуме сидел поэт — старик с серебряными волосами и бородой, с тростью с серебряным набалдашником, в черном драном бархатном костюме и в белоснежной драной рубашке. Он ходит всегда около Нотр Дам и продает прохожим свои стихи, написанные от руки, с завитками, на пожелтевшей бумаге. Его привели, он сел и, опираясь на трость, с презрением смотрел — этаким поэт и чернь. И не сказал ни слова — не удостоил. Даже имени своего не назвал. В конце концов от этой антологии отказались все. Сказали, что не хотят презренного тиражирования.

— Среди художников встречаются подобные настроения?

— Да, там есть люди, которые рисуют ночью на стенах или в катакомбах. Одно время на парижских стенах появлялись белые бегущие человечки, невероятно подвижные белые тени на сером. Возникало ощущение, что, как только отведешь взгляд, они помчатся дальше. Это по изысканной динамике походило на наскальную роспись. Потом эти человечки ушли в катакомбы. Художника долго искали и в конце концов нашли. Он сказал: «Я рисую только для себя и для вечности». Потом его умолили этими человечками разрисовать какой-то Дворец спорта. И в итоге, к сожалению, вытащили на поверхность, дали имя и внесли в реестр — словно странную ночную бабочку наколоди на иглу.

— В чем вы видите задачи передачи «Поверх барьеров»?

— Давать конкретную информацию о Франции, о которой знают и много, и мало. Удивительно, ведь столько народу туда ездит, а ничего по-настоящему неизвестно. Ведь интересно же узнать, например, почему там священники не ходят в рясах, как здесь. Или о том, как становятся клошарами. А мне интересно об этом рассказывать. Мне кажется, что нашу программу любят за то, что она представляет собой отнюдь не только упражнения в стилистике, хоть это, к счастью, тоже есть, но мы в эту изысканную форму облекаем совершенно конкретную информацию о мире, окружающем нас и вас...

Интервью взял Владимир ТУЧКОВ.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.